

Эскиз портрета на фоне времени

Кусько 1997 - 14 авг. - с. 5

Недавно в Белоруссию после семнадцатилетней жизни в эмиграции приехал Борис Заборов. Блистательный художник с мировой известностью когда-то жил в Минске на улице Сурганова, работал в мастерской на улице Первомайской и был обычным гражданином СССР — разве что мерой таланта отличался он от сограждан. В 1980 году Заборов уехал в Париж. В 1997 году он приехал на Шагаловский пленэр в качестве почетного гостя. Эмигрантов у нас раньше люто ненавидели. Теперь ими гордятся, будто и не выживали их из страны.

- Борис, вам не противно приезжать в страну, которая вас не любила и пыталась от вас избавиться?

— Это было бы слишком амбициозно с моей стороны — утверждать, что страна меня не любила. Меня не любили функционеры. А их нельзя назвать “страной” — просто система дала им право выступать от имени страны.

- Вы были диссидентом?

— Никогда в жизни. Я уехал ни в коем случае не по политическим соображениям. Я всегда презирал власть. Мне было неинтересно с ней бороться. Кроме того, я с шести лет занимался своим ремеслом и не хотел тратить время на борьбу с ветряными мельницами. Кстати, после моего отъезда западные средства массовой информации очень быстро утратили ко мне всякий интерес — они ждали диссидентских откровений, а я говорил исключительно о профессиональных мотивах. Но я действительно уехал лишь по одной причине — мне была невыносима мысль о том, что в этой стране я не смогу стать художником. Потому что в СССР художника обязывали быть рупором идеологии, которая включала всякое инакомыслие. Поэтому я занимался книжной графикой.

- Но известность вам принесла именно книжная графика.

— Безусловно, это не самое неинтересное в нашем ремесле. Мне эта работа приносила немало удовлетворения и радости. Но иллюстратор всегда вторичен. Он следует тексту. Хотя я мог выбирать себе лучшую литературу — от Шекспира до Достоевского. Кстати, в те времена большинство хороших произведений было сделано как раз в области книжной графики. Ее меньше контролировали. В живописи никуда не уйдешь от открытого визуального образа. Сюжеты предлагал Союз художников. В его конторе вывешивался план с темами картин. Например, тебе нравится предлагать союзом сюжет “Рабочие автомобильного завода на социалистической вахте” — ты берешь эту тему и можешь работать спокойно. Я знал художников, которые умудрялись половину своего времени тратить на всю эту чушь, зато вторая половина принадлежала им. Но я так не мог.

- Вы ненавидели чиновников, из-за которых не могли заниматься своим делом в своей стране?

— Ненависть была свойственна, наверное, всем. Помню, в

1978 году у меня был обывок. Когда я пришел в ателье, то увидел, что на стопке журналов, которая давно лежала на шкафу и покрылась слоем пыли, отчетливо проступала чья-то ладонь, даже столы, прибитые к полу, были отодраны. Вызвал милицию. Приехали трое — лейтенант, милиционер в штатском и сержант. Я объяснил, что в мое отсутствие кто-то побывал в ателье и оставил следы — взлом налицо. После осмотра мастерской один из них попросил меня выйти вместе с ним и тихо сказал: “Поймите, мы ничего не можем сделать. Это габэшная сволочь”. Так что даже представители системы ее ненавидели. Но сегодня я ни к кому из тех, кто травил меня, ненависти не испытываю. Я занимаюсь делом, которое люблю, живу в Париже, о котором всегда мечтал, у меня хороший статус. А они отомщены жизнью: ничего не может быть страшнее, чем прийти к старости и осознать, что ты — ничтожество.

- Говорят, что художнику, поставленному в определенные рамки официальным советским искусством, потом в свободной стране, где нет официального искусства, не менее трудно...

— Почему же на Западе нет официального искусства? Все есть. Разница в том, что в СССР официальное искусство было подчинено государственной идеологии. А на Западе идеология существует в лице определенной группы, в чьих руках музеи, галереи, газеты. И человек, который не вписывается в их понимание, выпадает из этой схемы. Они говорят об авангарде, но достаточно изменить направление — и авангард становится арьергардом. При этом никто не понимает, что же такое авангард. А я считаю его самым грандиозным блефом двадцатого века. Для меня Кандинский и Малевич не представляют собой абсолютно ничего. Я убежден в том, что Кандинский был весьма посредственным художником. Но его интеллект сомнений не вызывает. Он придумал интересную и необычную схему. Потом собрал людей, которые этому поклонялись и могли делать то же самое. А в результате — открыл дверь в храм толпе.

- Уехать в Париж всегда было непросто. Как вам это удалось?

— Я всегда хотел в Париж. Но уезжал, как все эмигранты в те времена, — по израильской визе. Просто в Вене я не ходил ни в какие еврейские организации, а сразу обратился в венское отде-

ление французского Толстовского фонда. Милая женщина, мадам Керк, пообещала мне, что на три месяца фонд может взять нас с семьей под свою опеку, предоставить крышу над головой, а за это время Франция должна будет дать нам ответ. Разумеется, я получил отказ. И тогда я написал письмо президенту Франции. Известная поговорка “Не зная брода, не суйся в воду” — это ошибка. Именно те, кто не знает брода и лезет туда, куда не ползет человек осведомленный, добиваются своего. На исходе моего полугодового пребывания в Вене я получил положительный ответ — уже от правительства Миттерана. Причем в последние три месяца Толстовский фонд не имел права помогать мне. Но я умудрился даже получить два заказа от одного венского издательства. А австрийские издательские планы — это вам не издательство “Беларусь”. Там не две сотни, а семь книг в год издается. Так что удалось прожить. Но я до сих пор помню, как бродил по городу со своим десятилетним сыном и он пожирал глазами витрины кондитерских. А я не мог купить ему пирожных. Поэтому теперь, спустя семнадцать лет, мой сын уже взрослый, а я все равно его балую. Я не могу забыть Вену.

- Вас не пытались удерживать в СССР?

— Я встретился перед отъездом с нынешним министром иностранных дел Белоруссии Иваном Антоновичем. Тогда он был секретарем Минского горкома. Антонович убеждал меня, что если я останусь, то мне дадут возможность спокойно работать. Более того, он предлагал мне публично обратиться к евреям Белоруссии с призывом не уезжать. Но я все равно был чужим для них — система отбирала “своих” каким-то физиологическим чутьем.

- Вы в Белоруссии второй раз со времени своего отъезда. Первый раз вы приехали сюда два года назад. Что поразило вас больше всего?

— Для меня здесь не было практически ничего неожиданного. Я был хорошо информирован обо всем происходящем. Единственное, что действительно удивило, — это тот слишком короткий срок, в течение которого в сознании людей произошли колоссальные перемены. Люди утратили патологический страх перед системой буквально за несколько лет. И это с учетом того, что советская власть воспитала по крайней мере четыре поколения людей. Впрочем, в сознании толпы этот страх вряд ли исчез, но я сужу по своим коллегам, по интеллигенции, с которой общаюсь.

- Интеллигенцию неспроста называют “прослойкой” — удельный вес ее слишком мал.

— Зато духовный вес ее необъятен. Именно интеллигенция в конечном счете формирует сознание толпы.

Беседу вела
Ирина ХАЛИП